

РЕФОРМИРОВАННАЯ ПОЛИЦИЯ

Фельетон «Письмо из Москвы» (не закончен или дошел до нас лишь в начальной своей части) сохранился в бумагах писателя, изъятых у него при аресте, в двух рукописях: черновой и белой. Тексты их почти совпадают; имеющиеся в двух случаях расхождения незначительны. Заглавие фельетона дано по записи Слепцова на полях автографа «Речь, за которую я мог бы быть изгнан...» (см. предыдущую публикацию).

Судя по дошедшему до нас началу фельетона, Слепцов намеревался посвятить «Письмо из Москвы» разработке темы о пореформенной полиции. Еще до 25 декабря 1862 г., когда были утверждены Александром II «Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах» (введение их предполагалось после утверждения судебных уставов), делались попытки преобразовать полицию в духе западноевропейской. Либеральная пресса с усердием следила за полицейскими «нововведениями» и выражала по этому поводу свою признательность «преобразователям». Особенные заслуги приписывались в этом деле петербургскому обер-полицеймейстеру графу П. А. Шувалову (впоследствии начальнику III Отделения). «Кто помнит, чем была <...> полиция до 1857 года, и сравнит ее с настоящей, — писал, например, в 1862 г. сотрудник «С.-Петербургских ведомостей», — тот, конечно, согласится, что полиция наша изменилась вообще к лучшему, а в некоторых отношениях преобразовалась радикально. Благодеательною реформой она обязана графу Шувалову, который, усвоив себе дух администрации настоящего правительства, хотел и умел привить <...> полиции добрые начала, свойственные полициям просвещенной государственной Европы» (1862, № 147, от 8 июля).

Демократическая печать пользовалась разными способами, чтобы показать антинародный характер царской полиции и раскрыть истинный смысл реформ, предпринимавшихся в этой области государственным управлением. Так, в марте 1865 г. в «Современнике» была напечатана статья Г. З. Елисеева «Проект преобразования с.-петербургской полиции», в которой излагался, без авторских комментариев, доклад финансовой комиссии Петербургской городской думы о создании столичной полиции. Цифры, материалы, выводы в докладе говорили сами за себя. Читатель узнавал, что численность петербургской полиции значительно увеличивалась (превосходя венскую, берлинскую) и это увеличение, вызвавшее огромные расходы, было связано с ростом «неблагонадежности», т. е. революционного движения в стране (стр. 120).

Именно к этому времени, к февралю — марту 1865 г., относится, надо полагать, и работа Слепцова над «Письмом из Москвы». Еще в «Уличных сценах» (1862), а затем в статье «Попытки народной журналистики» (1863), в «Петербургских заметках» (см. выше, стр. 174—179) писатель иронически зарисовал современных отечественных «полисменов», будто бы «мирных» и «добродушных», рачительно оберегающих общественный порядок и покой. Слепцов пародировал либеральную идиллию «безмятежного существования» российских граждан, охраняемых «хорошей полицией», «организованной на европейский лад».

В «Письме из Москвы» к сказанному и изображенному ранее добавляется сравнение «усовершенствованной» полиции с прежней «безобразной, алчной, необузданной», не в пользу первой. «Хорошая полиция как будто хуже», — утверждает Слепцов, — дореформенный Держиморда предпочтительней современного «полицьянта» (так в черновой рукописи). Эти парадоксальные выводы заставляют читателя насторожиться. Пользуясь зэповой формой, Слепцов указывал в «Письме из Москвы» на усиление деятельности политической (секретной, тайной) полиции. «Преобразованная полиция» старается «влезть к нам в душу», она «прикидывается мирянином», хитрит, «усматривает в наших поступках не то, что в них действительно заключается», — все эти черты характерны именно для тайной полиции.

Слепцов разоблачает здесь «неразумную и пустую болтовню» о преимуществах новой полиции перед старой, о духовном общении ее с пародом. В черновой рукописи фельетона мысль о враждебности «усовершенствованной» полиции народу выражена с полной ясностью: «А новый вольнонаемный полицьянт со свистком нам чужд и душой и телом».

〈ПИСЬМО ИЗ МОСКВЫ〉

В Москве всегда хорошо было жить, а теперь еще лучше стало. Главное тем хорошо, что уж очень безмятежно; с непривычки даже как будто скучно: полиции совсем не видать, и если бы не хожалые, уныло торчащие кое-где на перекрестках, то можно бы подумать, что Москва усовершенствовалась наконец до такой степени, что Распорядительная дума в одно

ГОРДОВЫЕ-ХРИСТОСЛАВЫ

Картина маслом Л. И. Соломаткина, 1867 г.

Русский музей, Ленинград

«Как живой встает в памяти моей с детства знакомый мне образ х о ж а л о г о (...). Как представитель власти он требовал одного: послушания (...) он даже не трудился убеждать нас, что он, хожалый, необходим для нас, он просто приходил к нам время от времени и объявлял безо всяких околичностей, что он именовник. И мы очень хорошо понимали, что это значит (...) и что если он не каждый день поздравляет нас со днем своего ангела, то мы должны это чувствовать, мы должны это ценить» (Из фельетона Слепцова «Письмо из Москвы»)

прекрасное утро нашла нужным сделать распоряжение: переловить всю городскую полицию и представить ее в часть. Я помню, года два тому назад, был я в Москве, ну, все-таки, бывало, видишь — препровождаю кого-нибудь на веревочке или там с праздником поздравляют, а теперь... полицейские жалуются, что от пьяных житья нет. Драться не велено. Попробуй, тронь его, он сейчас: «Караул! Ты зачем дерешься?» — Какой же тут может быть порядок?

И действительно, на теперешнюю московскую полицию смотреть жалко: вид даже какой-то несчастный у них, ходят, как потерянные, снурочки эти мотаются... Холод, дождь на улице, — торчи!

Да главное, было бы из-за чего торчать, а то вовсе не из-за чего: иной раз в целый день один водовоз проедет, — торчи! И, как видно, сама преобразованная полиция очень хорошо понимает всю бесцельность и бесплодность своего положения; а пуще всего скука, скука-то уж очень их одолевает. Целый божий день стоит человек, как чучело, безо всякого дела, только с ноги на ногу переминается; ну, и рад же как попадетя ему где-нибудь в захолустье до бесчувствия пьяный мужичонка, уж он его, уж он его тискает, тискает... «Натешусь же, мол, я над тобой!»

Глядя на усовершенствованную московскую полицию, невольно вспомнишь прежнюю безобразную, алчную, необузданную, грязную полицию и невольно отдашь преимущество старой, несмотря на всю ее непривлекательность, несмотря на то, что уже давно доказано, — до какой степени она была несостоятельна.

Бог ее знает, как там по государственному праву, а на практике выходит так, что хорошая полиция как будто хуже. Вообще нехорошо это, когда полиция начинает совершенствоваться, примета нехорошая: это давно замечено. Точно так же вот, когда урожай на блох бывает, говорят, к войне. Может быть, оно и неверно, но только относительно полиции у кого я ни спрашивал в Москве — все более или менее склоняются на сторону прежней. Да оно и понятно: я сужу по себе. Как живой, встает в памяти моей с детства знакомый мне образ *хожалого*, и чувствую я, как душа моя вся устремилась к нему. С детским трепетом и с любовью гляжу я на него и не могу наглядеться. Да, в нем было, действительно, что-то грозно-величавое, что-то отечески строгое, но в то же время и детски наивное, простое, любовное. Этот тип сам собою сложился, сам собою вылился из нравов и потребностей той среды, которая нас всех породила. Он исторически и кровно близок нам, он всецело вошел в нас и все существо наше насквозь проникнуто им, так же как и он, в свою очередь, весь был проникнут нами: нашими нуждами, нашими радостями и печальми. Хожалый был груб и невежествен, но чистосердечен; он не старался влезть к нам в душу, не хитрил и не прикидывался мирянином; он прямо и смело являлся повсюду с казенною печатью на челе; свободно, как власть имеющий, творил нам суд и расправу, карал и миловал по усмотрению; и сколько я помню, на это усмотрение никто не жаловался; никто не находил, чтобы хожалый усматривал в наших поступках не то, что в них действительно заключалось.

Как представитель власти, он требовал одного: послушания, и эту простую мерку измерял наши поступки, как простой и бесхитростный человек, — он и не старался доказывать нам, какую пользу мы сами можем получить от послушания; он даже не трудился убеждать нас, что он, хожалый, необходим для нас, он просто приходил к нам время от времени и объявлял безо всяких околичностей, что он именованник. И мы очень хорошо понимали, что это значит; мы знали притом, что хожалый может быть именованником, когда захочет, что в этом отношении для него все дни в году одинаковы и что если он не каждый день поздравляет нас со днем своего ангела, то мы должны это чувствовать, мы должны это ценить. И мы не оставались бесчувственными и умели ценить такое начальническое снисхождение. Мы не рассуждали, как это так? Почему и зачем? Как не рассуждают дети, — зачем даны богом родители.

<1865 г.>